Сургучев И.

О синем и сером глазе Чехова.

Источник: Огни (Прага). 1921. 12 сентября. № 6. С. 3.

После «Трех сестер» мы с одним знакомым чехом пошли ужинать. Чех, видимо, пораженный московским спектаклем, все время расспрашивал меня.

– Скажите, пожалуйста, – со своим милым акцентов и неверными ударениями спрашивал он: – я ничего не мог понять в этой пьесе. Какие типы тут, по-вашему, по русскому, отрицательные, какие – положительные?

– Вопрос ваш очень труден, ответил я: – Чехов не был бытописателем в полном значении этого слова и поэтому его образы почти невозможно трактовать как типы.

– Ну хорошо, допытывался чех: – не будем говорить о типах. Но есть же здесь в этой пьесе люди, близкие вашей русской душе, а есть – далекие. Есть люди нравящиеся и есть не нравящиеся...

– О, конечно, прежде всего, эти три сестры и их несчастный брат. Они всегда волнуют русскую душу.

– Прекрасно, ответил чех: – ну а вот судя по тому, что роль Кулыгина играл комический актер, – это образ по нашему смешной.

– Смешной.

Чех недоуменно пожал плечами, вытянул без передышки полкружки пшорра, вытер усы и сказал:

– Тогда я ничего не понимаю. Хоть убейте меня. По-моему, по чешскому, Кулыгин – самый положительный тип. Он, правда, не блещет, может быть, умом, но он зато и не лезет в профессора Московского университета. Он, по мере сил, работает, трудится, искренно уважает свое начальство, уважает дисциплину, очень ласково и тепло любит свою жену. Он гораздо благороднее того пьяного старика-доктора, который по невежеству загнал на тот свет своего <1 сл. нрзб.> напился пьяным и начал на все комнаты орать, что у Наташи с Протопоповым роман. Это самая противная фигура во всей пьесе. А Кулыгин, зная, что у его жены сильное увлечение, зашедшее очень далеко, – молча переживает свою боль, не говорит ни одного слова упрека, не делает ни одного негодующего жеста. Напротив, когда она плачет в любовной прощальной тоске, он надевает усы и старается ее рассмешить.

А у самого, как вы, русские, говорите, кошки скребут на душе. Милый, прекрасный, пожалуй, самый лучший образ в этой пьесе. Так думаем мы, чехи.

– Ну а сестры?

– Дуры, с вашего позволения, мягче сказать, глупые женщины. Они все время ноют, как пифии, – в Москву! в Москву! в Москву! А сами ни с места. Им так хочется в Москву, – почему же они не едут туда, в этот город? Что им мешает? Я сначала думал, что у них денег нет.

Но в третьем акте выяснилось, что у них был незаложенный дом, который в конце концов брат проиграл в карты. Значит и деньги были. Приехавши в Москву, они так же не могли работать, как и в этом маленьком городе. Они напоминают мне человека, который тонет и не может даже взмахнуть рукой, чтобы поплыть, не желает крикнуть о помощи. Эти сестры – самоубийцы. И никакой симпатии они у меня не вызывают.

– А брат их Андрей?

– Отвратительный субъект. Он похож на того Ивана Ивановича, который в вашем «Ревизоре» потолстел и все играет на скрипке.

Это очень бездарный человек. Если бы он и приехал в Москву, то никогда бы профессором Московского университета не был. Я в этом уверен. Я уверен, что в пятом акте этой пьесы Наташа заставила бы его брать взятки и он брал бы и вместе с Протопоповым попал бы под суд.

– А Наташа?

– Наташа есть Наташа. Она – мещанка, она недобрая и властная, она знает, что делает. Она не хочет на небе звезды ловить, как вы говорите. И в том, что она забрала власть в доме опять же виноваты эти несчастные самоубийцы. Таких людей покорит всякий негодяй, что и доказали ваши большевики. Мы, чехи, до сих пор не понимали, как несколько негодяев могут держать в руках стомиллионный народ. Теперь, глядя ваши спектакли, начинаем понимать.

– А в общем как вам понравился спектакль?

– Что-то божественное. Ничего подобного я в жизни не видел.

В Константинополе я однажды встретил женщину, у которой один глаз был синий, а другой – серый. Если вы смотрели на нее слева, со стороны серого глаза, – выражение лица было одно. Если вы смотрели на нее справа, со стороны синего глаза, – выражение лица было другое.

Таким человеком с разными глазами был, по-моему, Чехов.

Серый глаз Чехова – это холодный, остро наблюдающий, метко схватывающий и глубоко запоминающий глаз врача, человека, воспитанного по всей строгости и неумолимой логике естественных наук. Люди, близко знавшие Чехова, говорили, что если бы он не стал писателем, то был бы выдающимся врачом-диагностом вроде Захарьина. Так и врач не упустит ни одного самого малого болезненного явления, он все учтет, все взвесит, все спокойно оценит.

Этот серый и холодный глаз Чехова очень ярко сказался в его исследовании «Остров Сахалин», написанным с настоящей научной силой. Этот же серый глаз ярко казался в его знаменитых пятитомных письмах и особенно беспощадно выявился в том холодном и горьком письме, в котором Чехов говорит о русской молодежи, которая прекрасна, но, спрашивает он:

– Откуда же берется эта сволочная русская интеллигенция, эти ворующие инженеры и т.д.

У меня нет под руками собрания этих писем, и я не могу привести здесь точной цитаты.

Так писал и оценивал известные явления русской жизни восьмидесятник Чехов, общественный деятель и врач, ученик Московского Университета!

И в то же время вместе с серым Бог дал Чехову синий глаз, – глаз поэта, поэта изящнейшего и вдохновеннейшего.

Со всей силой пророка он, сероглазый, хотел проклясть эту «сволочную» интеллигенцию, и у него, как у библейского Валаама, вместо проклятия вырывалось благословение. Эти ничтожества, эти лишние и хмурые люди 80-х годов окутаны у него такой очаровательной поэзии, такой красоты, что невольно поддаются их влиянию и чувствуешь, как властно они тебя захватывают.

– Ведь правда жиль их? Спрашивал я у пражского чеха.

– Конечно, жаль, отвечал тот: – но что же из этого? Мне вот и курицу жаль, которую я ем и, все-таки, я ее ем.

– Так их следовало бы истребить, как вот и сделали большевики? – спрашивал я.

Чех долго пил пиво, смотрел в сторону, что-то соображал и, наконец, признался:

– Нет, они, все-таки очаровательны. Я откопал в своей душе чувства зависти к ним. Это, все-таки, какая-то высшая порода людей. И все-таки, в них есть какая-то покоряющая царственность, в этих трех сестрах.

С особым подъемом, с накопленными свежими силами, отдохнувши после гастрольных многомесячных переездов, московские художники в день открытия своего зимнего сезона сыграли «Трех сестер», эту четвертую симфонию Чехова.

Как евангелие утешает заключенного в тюремной камере, так эти московские поэты утешают нас, томящихся в небывалом, неслыханном и невиданном эмигрантстве.

Перечислять их имена?

Все имена, как ручьи в море, сливаются в одном:

– Московский Художественный Театр.